

© А. Тадевосян

Воровская субкультура в позднесоветской и постсоветской Армении

Ключевые слова: Армения, Ереван, криминальная субкультура, воровской мир, городская община, повседневность, постсоветский, поведенческие нормы, молодежь, мужское сообщество

В 1950-е годы в Армению из российских криминальных кругов проникло явление, получившее впоследствии название «гохакан» (goghakan), что в буквальном смысле означает «воровское». Особенность этого явления заключалась в том, что оно распространилось не только в криминальных, но и в общественных кругах. Вскоре оно укоренилось до такой степени, что стало играть решающую роль в общении людей во дворе и общинной жизни. Основные вопросы, обсуждаемые в данной статье, касаются изучения именно этого явления. Обсуждаются причины проникновения этого явления, его роль в повседневных отношениях в широких кругах общества и какую роль оно играет сегодня. Отдельно рассматривается вопрос, как это явление влияет на гражданское поведение, мышление и повседневные практики людей в целом.

После моего выступления о влиянии криминальной субкультуры на общественные отношения в одном из колледжей Еревана один из слушателей, мальчик 16–17 лет, спросил меня: «Как вы думаете, если воровские понятия полностью уйдут из нашей жизни, не будет ли хаос?» Когда я попросил его немного подробнее остановиться на своем вопросе и объяснить, почему он задает такой вопрос, он сказал, что «гохакан»¹ (в переводе «воровской») — это порядок, с помощью которого люди знают, что правильно, а что нет, и с помощью которого они регулируют свои отношения и поведение. Если понятия правильности и неправильности выйдут из повседневности, на что люди должны ориентироваться? Когда я ответил, что на законы и правовые институты, мальчик посмотрел на меня осуждающим взглядом и парировал, что это неправда, «нормальный парень» не может так себя вести. Если бы кто-то вел себя так, его бы не считали «мужиком» и никто бы с ним не общался, даже его друзья.

Тадевосян Агаси – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной Академии наук Республики Армения.
a.z.tadevosyan@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-2184-3720>

Для цитирования: Тадевосян А. Воровская субкультура в позднесоветской и постсоветской Армении // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 2. С. 112–131.
<https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/112-131>

¹ «Гохакан» — название образа жизни, распространенного не только в криминальной, но и в гражданской жизни, в мужской среде, предпочитающей жизнь по воровским понятиям.

Этот диалог показывает, что многие концепции «воровской» субкультуры, определяющие правильные и неправильные поведенческие практики и регулирующие их нормы, во-первых, имеют распространение в широких кругах общества. Во-вторых, они воспринимаются как одно из главных явлений, регулирующих общественную жизнь (Tadevosyan, Margaryan 2023: 99–151). В-третьих, в значительной части общества считается предпочтительным решать тот или иной вопрос в соответствии с принятыми понятиями (Tadevosyan 2023; Tadevosyan, Margaryan 2023: 131), чем по закону. И, наконец, в-четвертых, «воровское» отказывается в гражданской жизни жить по законам и отрицательно относится к государству, особенно к правовым институтам (Margaryan 2023b; Tadevosyan, Margaryan 2023, 127–129).

Цель данной статьи — показать, как ключевые понятия, характерные для «гохакан» — «воровской» субкультуры — распространились в общественной жизни, нормализовались и стали ее неотъемлемой частью, и как эти поведенческие нормы в настоящее время влияют на формирование практик различных кругов общества по отношению к государству и государственным учреждениям.

Статья основана на данных исследования, проведенного качественными методами. Было проведено 45 индивидуальных глубинных интервью, из них 20 с осужденными пенитенциарных учреждений Армавира и Артика и 25 — с жителями районов Еревана, Гюмри, Гориса, имеющими связи с криминальной субкультурой. Также было проведено 10 экспертных интервью. В качестве экспертов были выбраны люди, работающие в судебных органах, и специалисты, занимающиеся исследованием сходных проблем. Данные, полученные в ходе исследования, содержат достаточно богатый речевой материал, характеризующий хулиганскую субкультуру как явление, влияющее на социальные отношения и формирующее определенные поведенческие практики. Также был проанализирован ряд вторичных письменных источников, данные которых были объединены с данными качественных исследований. Обобщение и окончательная обработка данных проводилась с использованием метода тематического анализа.

Что такое «гохакан»

Феномен под названием «гохакан» имеет в Армении два значения — узкое и широкое. В узком смысле это слой людей, занимающих высшее положение в иерархии уголовного мира, в первую очередь среди осужденных в тюрьмах, живущих по особым понятиям и вытекающим из этих понятий нормам. Эти понятия определяют:

- статусы и иерархии криминального мира, разграничение статусов и формы взаимоотношений между этим миром и остальными заключенными в тюрьме;
- место заключенных на территории тюрьмы соответственно их статусу, начиная с тюремной камеры, заканчивая помещениями общего пользования для заключенных;
- понятие о том, что разрешено, а что нет, с четким разграничением, что «правильное» и что «неправильное»;

- принципы взаимоотношений заключенных с тюремной администрацией (что разрешено и что запрещено);
- формы наказаний в случае отклонения от воровских понятий и нарушения воровских этикетных норм и правил;
- права и обязанности представителей «воровского мира»;
- основные институты, обеспечивающие порядок и правление «воровского мира», в том числе финансово-экономические; механизмы, обеспечивающие работу этих институтов (*Tadevosyan, Margaryan 2023: 13–131*).

Заметим, что это явление не чисто армянское. Оно зародилось в Советском Союзе в 1930-е годы (*Вольков 2012, 152; Сидоров 1999а*), претерпело ряд преобразований в 1950–1960-е годы (*Сидоров 1999б*), имело большое влияние вплоть до распада СССР и до сих пор сохраняется на территории бывшего СССР как сетевая и наднациональная структура (*Вольков 2012*). Воровская субкультура была закрытой областью для исследователей в период СССР (*Самойлов 1990: 69*) и стала предметом исследования лишь в последние годы существования СССР и в постсоветский период. В российской среде оно в настоящее время достаточно изучено. Первые исследования датируются концом 1980-х — началом 1990-х годов (*Самойлов 1993; Дубягина, Абрамкин 1991; Бронникова 1991; Кабо 1990; Гилинский 1990; Самойлов 1990; Левинтон 1990; Самойлов 1989*). Явление исследовалось с разных сторон. Отдельные исследования были посвящены изучению его языка, самой тюремной жизни (*Багреева 2001; Маркова, Бычкова 2020; Сидоров 1999а; 1999б*) и тюремного фольклора (*Ефимова 2004*). Ряд исследований был опубликован также в 1930-е годы (*Лихачев 1935; Якубович 1933; Потанов 1927*). С недавних пор это явление привлекло внимание и американских исследователей (*Galeotti 2018*). Отдельным направлением стало издание словарей (*Городин 2021; Зугумов 2015; Дубягина, Бронникова 1991; Словарь 1992*). Что касается изучения этой субкультуры в Армении, то первые подобные исследование были проведены в 2020-х годах (*Tadevosyan, Margaryan 2023; Novakimyan, Ter-Gabrielyan 2020*). Несмотря на свою значимость, эта проблема до сих пор имеет множество неисследованных аспектов, среди которых особенно важна проблема проникновения и влияния этого явления на общественную жизнь (*Novakimyan 2019*). Именно на этом уровне проявляется упомянутое выше широкое понимание «гохакан».

В широком смысле понятие «гохакан» относится не только к высшему слою криминального мира, но и к мужской среде, отдающей дань понятиям и поведенческим нормам воровского мира в общинной и дворовой жизни. Оно начало проникать в среду армянских кварталов и дворов в 1950-е годы.

Основная причина такого распространения — освобождение по амнистии большого количества заключенных после смерти Сталина (*Tadevosyan, Margaryan 2023: 106*). Оказавшись на свободе, они принесли с собой понятия и нормы регулирования отношений, типичные для мест заключения, а также пласт русскоязычных слов, обозначающих эти понятия. Поскольку после войны количество мужчин молодого и среднего возраста в соседской и дворовой среде значительно сократилось, «плохие мальчики» (*Avagyan 2006: 39*), бла-

годаря своей организованности и силовому превосходству, были способны занять влиятельное положение в мужской среде. Распространение воровских законов в обществе тех лет некоторые авторы связывают также с рядом изменений в тюремной жизни в СССР, подтолкнувших воровскую касту к выходу из заточения и утверждению в обществе, что ранее было запрещено по воровским законам (Чалидзе 1977: 122). Уже в конце 1950-х годов распространенность этого явления возросла до такой степени, что на государственном уровне были предприняты специальные меры по борьбе с ним, но большого успеха это не имело (Abrahamyan 2022). В результате уже в 1960–1970-е годы характерные для этой субкультуры понятия и вытекающие из них поведенческие нормы и практики широко распространились в кварталах и дворах, став основным средством организации мужских отношений (Tadevosyan 2010: 112–131).

Внедряясь в быт, «гохакан» приспособливался к нему и формировал свою общинную разновидность, значительно отличающуюся от тюремной. В этом случае базовые понятия «воровского» мира, интегрируясь в повседневную жизнь населения городских общин, подвергались некоторой смысловой разгрузке. Жесткость и резкость тюремной обстановки несколько смягчалась в привычных общинных отношениях. Если в тюрьме человек должен был очень осторожно использовать каждый шаг и слово (иначе это могло быть использовано против него, и поэтому ему тоже приходилось осваивать воровские понятия и язык), то на общинном уровне в случае ошибки возникшая проблема могла решаться извинением. Сохранив свой первоначальный смысл и приспособившись к повседневным отношениям, «гохакан» стал понятен и применим в среде мужского населения дворовых общин. В результате уже в 1960–1970-е годы поведение мужского населения Еревана и средних городов Армении было адаптировано к понятиям и правилам воровского мира.

«Я не вор, но уважаю вора»: школа жизни в беседке

В 1970–1990-х годах существовала устная формула, которая была довольно популярна, особенно среди подростков и молодежи в крупных и средних городах Армении. Если мальчики спрашивали друг друга «ты вор?», на этот вопрос нельзя было отвечать «нет». Фраза «Я не вор, но уважаю вора» считалась единственным правильным ответом на вопрос. Вообще в криминальном жаргоне много таких формул, которые просто необходимо знать наизусть (Самойлов 1990). Мои полевые исследования показывают, что ответы, требующие такой шаблонной точности, не формировались сами по себе у гражданского населения и особенно среди подростков и юношей. Существовали простые и эффективные механизмы для распространения *поньят*-ов (понятий) и практик «гохакан». Одним из них, как шутливо описал один из респондентов, были «семинары в беседках». Беседки устанавливались во дворах Еревана и других городов для времяпрепровождения населения еще в советское время. Подростки и молодежь района проводили и проводят свободное время в этих беседках. Если кто-нибудь хочет, чтобы во дворе к нему относились с уважением, он должен активно контактировать с ребятами во дворе. По этой причине «спускаться в беседку» или «спускаться во двор» (pʰutɛŋɬɬɪ ʰɔɬɛɬɪ, hɬɪɬɔɞ ʰɔɬɛɬɪ) считается для подростков желанной поведенческой практикой. Процесс «обучения» осуществлялся во время мальчишеских посиделок в беседках или во дворе.

«Я не вор, но уважаю вора» — это один из важных ключей к интеграции «воровской» субкультуры в жизнь дворовой общины и ее нормализации в общественной среде. В то же время это была одна из формул, дававшая право считаться «нормальным» мальчиком в мальчишеской среде во дворе или в районе. Поясним: чтобы быть «нормальным» мальчиком на улице, не обязательно было жить воровской жизнью, но было желательно уважительное отношение к ней (*Margaryan 2023b*). Это также означало, что знакомство с этими понятиями и следование нормам, которые считались обязательными, было основным условием для принятия в круг мальчиков на улице.

В Ереване и других городах основными пространственными единицами влияния «гохакана» являются «куча́» (*k'ucha*) и «тах» (*t'agh*). «Куча́» в прямом смысле слова — это улица. Она объединяет мальчиков, живущих на одной улице, с раннего возраста, когда ребенок выходит играть и делает первые шаги в социализации. Во-первых, она отмечает место встречи мальчиков, а во-вторых, здесь мальчики общаются по определенным нормам и понятиям, генеалогически восходящим к криминальному, а точнее, воровскому миру. Кстати, такое явление характерно и для грузинской среды (*Захарова 2010: 182–204*).

В некоторых районах «хаят» (*hayat*) — двор — выступает единицей, заменяющей «куча́». Это особенно распространено в многоквартирных домах и объединяет мальчиков из одного дома или нескольких соседних домов. Более расширенный вариант «кучи» или «хаята» — это «тах» (*t'agh*) — район, который часто совпадает с историческими или современными административными единицами города и занимает важное место в социализации и идентичности мальчиков. «Тах» в городской местности маркирует принадлежность мальчиков, создает местную идентичность и имеет очень четкие границы, в рамках которых мальчики, живущие по дворовым нормам, организуют свою повседневную жизнь. Основным временем освоения норм «гохакан» является период от подросткового возраста до ранней молодости, а конкретнее — от 12 до 25 лет. В некоторых районах этот возраст считался самым опасным, поскольку в этот период подростки и молодые люди могли вступить в криминальные круги.

Несколько обстоятельств подталкивали мальчиков приобщиться к среде «гохакан». Прежде всего это был вопрос статуса, и особенно стремления к лидерству. Важную роль играл и мифологизированный статус «воров». В Ереване и других населенных пунктах были такие «легендарные» персонажи; знание и рассказ подробностей их жизни уже было статусообеспечивающим явлением для подростков и юношей (*Tadevosyan, Margaryan 2023, 124*). В-третьих, это было чувство защищенности и власти, приобретаемое в мире мальчиков благодаря принадлежности к этой среде. Еще одним важным фактором была четкая определенность понятий и норм, благодаря которым у мальчика могла формироваться система представлений о том, что правильно и что нет; это знание повышало вероятность не совершить ошибку и не попасть в опасные и уязвимые ситуации.

Знать нормы и понятия «гохакан» и руководствоваться ими было важным условием, чтобы восприниматься как «парень из дворового круга», то есть иметь мужское уважение и статус в соседской среде. В противном случае любой мальчик рисковал оказаться на обочине дворовой жизни, что резко уве-

личивало риск быть высмеянным, эксплуатированным в различных случаях и даже подвергнуться физическому насилию (Margaryan 2023b; Hovakimyan 2019). Мальчики, которые не «спускаются во двор» или не «тусуются», то есть не интегрируются в местные сообщества, могут стать объектом насмешек за то, что они хорошо учатся в школе, говорят вежливо и грамотно и вообще «культурные» («культурными» называли в Советском Союзе людей, отличавшихся хорошими манерами).

Молодые мужчины, живущие по дворовым нормам, очень хорошо знали «хороших» из других районов города, особенно «уважаемых». Если кто-то не знал «хороших» или «уважаемых» в своем районе, он уже не мог считаться «нормальным» мальчиком и к нему можно было относиться неуважительно (Лурье, Давтян 2017). В мире мальчиков тюремное заключение — «срок» — было важным показателем статуса. Даже наличие родственника или друга со «сроком» и разговор о них с уважительным оттенком могли быть мерилom уважения. Уважительное отношение к воровскому миру считалось важным условием для того, чтобы считаться «настоящим мужчиной».

Свою роль также играл фактор страха. «Хороших» боялись, потому что они внушали определенную опасность. Эта опасность особенно возростала, когда кто-либо нарушал общепринятые понятия и нормы. В этом случае нарушитель мог быть подвергнут серьезному физическому и психологическому насилию, бесчестию, насмешкам и презрению.

Криминализация повседневного языка на улице

Одним из самых принципиальных изменений, которое удалось осуществить криминальным «авторитетам», стала криминализация повседневной разговорной речи во дворах.

О том, что мир строится посредством языка, говорилось много. Но то, что это осознается и используется криминальным миром для завоевания доминирующего положения в обществе, нельзя назвать явлением, которое происходит повсеместно. Конечно, отдельные проявления криминальной субкультуры можно увидеть и в других обществах (Олейник 2021; Лысак, Черкасова 2006; White 1993; Абрамкин 1991). Уникальность феномена «гохакана» состоит в том, что «криминальная» речь становится языком мужского общения почти во всем обществе и играет важную роль в том, что считается «мужским». Называние «мужиной» в армянском обществе напрямую связано с владением и использованием языка «гохакан». Одной из особенностей городской жизни в Армении является то, что люди придают большое значение личным отношениям и мнению друг о друге. Большинство жителей знают друг друга лично. Люди часто живут здесь на протяжении нескольких поколений; сильны семейные, соседские и дружеские связи. Соответственно и проблемы, возникающие между людьми, решаются не путем обращения к правовой системе, а путем личных, дружеских, добрососедских разговоров и договоренностей. И если до 1950–1960-х годов основой организации соседской жизни были традиционные патриархальные нормы (Tadevosyan 2010), то, начиная с 1960-х годов, традиционные нормы постепенно и очень плавно переплетались с «гохакан». Многие понятия, сохранив свою первоначальную форму, стали криминализироваться по содержанию. Например, если раньше

«уважаемым человеком» в общине считались преимущественно зрелые мужчины, имевшие влияние в среде соседей и обладавшие способностью решать вопросы, основываясь на традициях, то уже в 1960-е годы слово «уважаемый человек» было заменено выражением «уважаемый парень». «Уважаемый парень» тоже обладал способностью решать вопросы, но, в отличие от «уважаемого человека», он осуществлял это не средствами традиционных норм, а понятиями «гохакан» — «криминального правосудия».

Проникая в соседскую среду, «гохакан» адаптировал под себя представления о «мужественности», слился с традиционными нормами мужского кодекса чести и фактически стал новым стандартом статусообразования в соседской жизни (*Margaryan 2023a*).

Люди часто не понимали, что понятия, используемые для регулирования их отношений и разрешения конфликтов, имеют криминальное происхождение. Для них было важно само наличие таких людей, которые брали на себя полномочия по решению проблем. Нередко влияние таких «авторитетов» подкреплялось и физической силой (*Hovakimyan 2020*), применявшейся в отношении тех, кто вел себя «неправильно». С 1960-х годов речевые и поведенческие нормы «гохакана» — понятия, разъясняющие «правильное» и «неправильное», — вошли в жизнь и стали основными средствами регулирования повседневных отношений. Часто те, кто пользуется этими понятиями, даже не задумываются о том, что «гохакан» вреден с точки зрения общественной жизни. Они не просто не знают либо не признают иных способов: например, обращение к закону и судебной системе считается недостойным настоящего мужчины, «неправильным» поступком (*Tadevosyan 2023; Tadevosyan, Margaryan 2023: 131*).

Однако, как отмечалось выше, важно учесть, что существуют определенные различия между настоящим «гохаканом» и его повседневной имитацией. В среде настоящего «гохакана» понятия криминального мира используются очень строго и определенно. Например, нельзя допускать в чей-либо адрес оскорбительных высказываний или выдвигать против кого-либо обвинения, не имея для этого очень веских оснований. Даже если такой проступок совершался по ошибке, за этим следовала очень суровая реакция: за неосторожное слово можно было поплатиться жизнью. В среде мальчиков, которые пользовались этими понятиями и словарным запасом в дворе или на улице, такого не происходило. Например, в «воровском» мире нельзя в шутку сказать другому «сука» или другую подобную фразу, потому что реакция будет крайне резкой. По этой причине любое обвинение, оскорбление или навешивание ярлыка на кого-либо должно быть очень обоснованным, внимательным и вдумчивым. Если в тюрьме слово «сука» относилось к самым опущенным членам иерархии (*Абрамкин 2008: 17; Самойлов 1990: 98; Чалидзе 1977: 74*), то в мальчишеской среде, в повседневном разговоре оно считалось достаточно легким оскорблением, которое можно было принять за шутку или даже проигнорировать, и это не грозило потерей респектабельности и статуса в дворовой иерархии. Разумеется, речь идет о подростках, которые не жили «воровской» жизнью, а просто были вовлечены в дворовую среду. Для молодых мужчин, интегрированных в «воровскую» жизнь, были обязательными такие же поведенческие приемы, которые были характерны для тюремной среды.

Еще одной важной причиной распространения жаргона «гохакан» является образность этого языка. Ему свойственно наиболее наглядно описывать ситуации и явления, связанные с уличной жизнью. Благодаря этой особенности жаргон получил особое признание и распространение среди подростков и молодежи.

В постсоветские годы «гохакан» претерпел определенные трансформации (Hovakimyan, Ter-Gabrielyan 2020: 27–91). Процесс преобразований имеет непрерывный характер и определяется особенностями новой социальной ситуации.

Дефицит справедливости в СССР и альтернативная справедливость в общинных отношениях

Один из важных выводов исследования, позволяющий понять причины распространения и укоренения воровского поведения и нравственности в жизни соседства, касается вопроса справедливости. После установления советского порядка, особенно в суровые годы сталинизма, несправедливость и репрессии породили среди населения чувство недоверия к государству. Это чувство углубилось и в последующие годы. Широкое распространение взяточничества укоренилось в брежневские 1960-е и 1970-е «годы застоя». В результате несправедливого обращения с гражданами со стороны советской милиции и других силовых структур создалась ситуация, когда люди совершенно перестали доверять государственным органам. В СССР суд и милиция не считались местом, где заявитель мог добиться справедливости, ведь вместо правосудия он мог получить неприятности и головную боль. Люди, имевшие неосторожность обратиться в правоохранительные органы, не только добились решения своей проблемы, но даже сами могли оказаться в положении подозреваемых. У «гохакан» же был определенный порядок, который давал людям ощущение справедливости. «Гохакан» не терпел преступных действий вне своих понятий и правил и мог защитить людей от таких преследований, если они обращались к нему. Например, нельзя было избить человека, не имея на это оснований, согласующихся с понятиями «гохакан»: это могло быть истолковано как хулиганство — «хужанутюн» (khuzanut'yun); такое действие авторитет «гохакан» мог признать «неправильным», а это могло грозить виновному потерей статуса и уважения (Tadevosyan, Margaryan 2023: 127–130).

Подобный механизм поддержания справедливости способствовал распространению «гохакана» в общинной жизни. Если в государстве не было справедливости и приемлемых практик, ее восстанавливающих и сохраняющих, многие люди предпочитали в определенных случаях обращаться к одному из «уважаемых» авторитетов, владевшему понятиями, четко разграничивающими «правильное» и «неправильное» и, по их мнению, способному найти справедливый выход из той или иной ситуации. Подобное явление характерно и для соседней Грузии (Захарова 2010: 182–204).

Основные практики, формирующие поведение, и их проявления в криминальной и повседневной речи

Как в воровской, так и в общинной среде донос считается самым предосудительным поступком. Конечно, имеются существенные различия между

формулировками и практиками, осуждающими доносчиков в тюрьме и в общине. Слова и фразы, указывающие на запрет доноса, относятся в первую очередь к недопустимости сотрудничества с правоохранительными органами. Что же касается конкретных форм наказания и осуждения нарушителей запрета, то более явно они проявляются в среде подростков и молодых мужчин, часто среди рабочих слоев, менее защищенных от произвола правоохранительных органов и не доверяющих правосудию. Среди среднего и старшего поколения, интеллигенции и служащих язык и правила поведения «гохакан» менее распространены, хотя даже представители этих слоев населения очень редко обращаются в правоохранительные органы, решая вопрос скорее путем обсуждения, переговоров друг с другом и поиска «общего языка». Это табу нарушали лишь в крайних ситуациях.

Способы наказания доносчиков также были мягче в общинной среде по сравнению с тюремной. Они обладали определенной жесткостью в среде молодежи и подростков. Донсчиков и «предателей» часто изолировали, подвергали избиениям и насмешкам. К пожилым людям в этом случае просто относились неуважительно, не доверяли им, избегали обсуждения важных вопросов в их присутствии, жестко ограничивали общение с семьей такого человека.

Из криминального мира в общинную жизнь вошли и такие практики, которые считались «поощряемыми». Как бы банально это ни казалось, одной из таких практик было воровство. Особенно положительно оценивалось воровство из государственных учреждений, магазинов, складов и других подобных мест. Воровать у богатых или зажиточных тоже считалось допустимым, но воровство из домов окрестных жителей, особенно у социально незащищенных семей, не поощрялось. На общинном уровне тем, кто совершает кражу в группе в молодом возрасте и делится награбленным, присваивается статус «хорошего парня»; при этом кража в личных целях, отказ делиться награбленным считались предосудительными. Приходилось раздавать украденное друзьям и соседям. Наибольшей похвалы удостоивались молодые люди, которые отдавали долю друзьям и знакомым, сидящим в тюрьме (*Tadevosyan, Margaryan 2023: 133*).

Криминальные «авторитеты» наделялись полномочиями решать многие проблемы. К ним обращались по разным поводам. Часто речь могла идти о возврате украденного, погашении долга, справедливом разрешении различных конфликтов и других спорных ситуаций. От заявителя при этом требовалась определенная услуга; чаще всего это была материальная помощь «братанам» — «ахпернер», находящимся в местах заключения. Эта помощь, называемая «греф» (от русского жаргонного «грев». — Ред.), могла заключаться в простой отправке необходимых продуктов и вещей конкретному адресату в тюрьму, либо же в передаче денег в «общак» — воровскую казну, которая затем использовалась для нужд заключенных. Этот важный фактор также позволяет понять, почему молодые люди были интегрированы в «гохакан». И даже не вступая на путь «воровской» жизни, они обязательно воспринимали «воровские» понятия и практики. В этом ключе также можно объяснить, почему со стороны «хороших парней» поощрялись подростки дворовой среды, участвовавшие в кражах: если кража совершалась с целью «грефа», она квалифицировалась как «правильный» поступок. Тот же, кто не участвовал

в кражах, ни в коем случае не смел сообщать об этом в правоохранительные органы, то есть доносить (*Tadevosyan, Margaryan 2023: 139–140*). Иными словами, «язык» и понятия «гохакан» в соседской среде сформировали и соответствующие поведенческие практики, вплоть до совершения кражи или действий, способствующих ей.

Таким образом, необходимым условием для возможности пользоваться альтернативным правосудием «гохакан», население должно было принять выдвинутые криминальным сообществом условия: признавать авторитет представителей преступного мира, следовать понятиям и практикам, использовать их язык, помогать «нуждающимся» в тюрьме, а главное — не нарушать установленные ими правила, из которых самым важным считалось не обращаться в государственные правовые учреждения и не доносить (*Hovakimyan, Gabrielyan 2020, 27–91*). Интересно, что подобный подход можно наблюдать и в родственных и соседских отношениях, где предпочтительным считалось решать проблемы в рамках соционормативных норм и обычаев, а не обращаться в судебные органы. Это можно считать дополнительным фактором, способствующим укоренению данного явления в повседневных отношениях (*Маркарян 2003*).

Честь и статус мужчины в городской общине

Один из главных факторов поддержания и воспроизводства поведения в стиле «гохакан» в жизни городской общины был связан с восприятием мужского кодекса чести. Например, человеком чести считался тот, кто отвечал на любое оскорбление, направленное в его адрес, способами, принятыми в соседской среде. Существует ряд терминов, касающихся отношения к чести. Один из них — «Тасибов тха» (*t'asibov tgha*), что означает «парень, имеющий честь во дворе и в соседской общине». «Тасибов тха» не обязательно стремится вести «воровскую» жизнь, но свое достоинство сохраняет по нормам уличной среды. Он не боится драк и побоев, владеет языком «гохакан» и представлениями о том, что «правильно» и «неправильно», участвует в спорах и драках на стороне друзей и соседей против представителей других районов, готов поддержать своих друзей и «хороших парней» в любой ситуации. Другим понятием является «кянки тха» (*kyank'i tgha*) (можно перевести как «путевый парень»). «Кянк» означает «жизнь», а «тха» — «мальчик». «Кянки тха» — это тот, кто понимает «правильную жизнь» (жизнь воров и воровских авторитетов), то есть понятия и практики воровства, относится к ним с уважением и следует установленным правилам «гохакан» (*Tadevosyan, Margaryan 2023: 140*).

Можно сказать, что городская дворовая или соседская община «тах» (*t'agh*) — это среда, где мужское население, особенно подростки и молодежь, следуют понятиям и практикам, заимствованным из тюремной среды, поскольку это имеет решающее значение для их статуса. Основное отличие состоит в том, что в дворовой среде эти понятия и практики подвергнуты определенным трансформациям, в основном смягчающим.

На наш взгляд, данные трансформации можно описать, используя лингвистический термин «пародия». Не следует смешивать этот термин с одноименным литературным жанром, где пародия считается издевательским под-

ражанием. Согласно лингвистической трактовке пародия имеет три формы: понижающую, равноценную и повышающую (*Tadevosyan, Margaryan 2023: 134*). Исходя из такого подхода, можно сказать, что переход от «воровской» к уличной речи имеет смешанные проявления, принадлежащие к упомянутым трем формам пародии. «Гохакан» в соседской среде существенно отличался от тюремного «гохакана». Во дворе «гохаканом» мог считаться тот, кто умело применял понятия на вербальном уровне путем простого подражания, причем он не обязательно должен был иметь отношение к криминальной среде. Также «гохаканом» могли назвать человека, имеющего тюремный опыт, но при этом не являющегося представителем «воровского» мира. Иными словами, если в тюрьме криминальная биография не была достаточным условием для обладания статусом «гохакан», то для соседской среды это могло быть основанием для получения этого статуса. Примечательно, что в таких случаях больше проявлений и понижающей пародии: например, если кто-то, не имея отношения к криминальному миру, пытался в дружеской среде говорить на жаргоне «гохакан», друзья могли пошутить или даже посмеяться над ним, сказав «ты что, гохакан?» или «гохаканом прикидываешься?»

Еще раз о двух типах «гохакан»

Интересно, что трансформация (криминализация) повседневного разговорного языка в городской общинной среде также отразилась на восприятии феномена общины. В общепотребительном армянском языке слово «тах» (*t'agh*) обозначает общину, квартал, где в основе отношений лежат нормы и традиции организации общинной жизни. В жаргоне «тах» становится средой, формирующейся посредством языка «гохакан», адаптированного в повседневную общинную жизнь, и характерными для этого языка понятиями. Чтобы стать «тахи тха», то есть парнем из своего двора или квартала, недостаточно просто проживать по соседству — нужно жить в соответствии с дворовыми правилами «гохакана». Хотя эти правила и не являются «воровскими» в тюремном смысле этого слова, они по большей части с него скопированы. В результате во дворах и кварталах создается мужская среда, живущая с определенными понятиями и нормами, и «гохакан» здесь воспринимается как «правильная» для настоящего мужчины жизнь. То есть, повторимся, что помимо «гохакан», характерного для тюремного (воровского) мира, существует и дворовый «гохакан». Ему следуют молодые мужчины, не намеревающиеся жить «воровской» жизнью, но принимающие воровские понятия и нормы этикета и применяющие в своей жизни их адаптированный к дворовой среде вариант. Таких и называют «тахи тха» (парни из своего квартала). Иное отношение испытывают те, кто не принадлежит к этой среде. Такие молодые люди характеризуются термином «парень сам по себе» (то есть тот, кто физически живет во дворе или в квартале, но не участвует в повседневной жизни соседских парней). Это не вызывает положительного отношения, но и не считается чем-то предосудительным. Отношение к таким юношам в основном нейтральное, особенно если они имеют определенные успехи в сфере образования или учатся в ВУЗе. Однако и к ним предъявляются требования не выступать открыто против дворовых норм и практик и тем более не нарушать запрета на сотрудничество с правоохранительными органами (*Hovakimyan, Gabrielyan 2020: 27–91*). В противном случае отношение может резко измениться до крайне негативного, и таких можно будет заклеить категориями,

типичными для «опущенных» в тюрьмах. В каждом дворе и квартале была своя среда «тахс тха» — «дворовых парней», которую называли «шрджапат» (*shrdjapat*) (дословно — социальная среда, окружение) (*Лурье, Давтян 2017*). Тех, кто пользовался уважением в «шрджапате», называли «аргвац тха» (*hargvac tgha*) — «уважаемым парнем». Корни описываемого явления уходят в 1950–1960-е годы; 1970–1980-е годы можно считать периодом его укоренения. «Шрджапат» может состоять не только из «уважаемых парней» данного квартала, но и из других — важно, чтобы они соответствовали стандартам «уважаемых парней», или имели «аскацютюн» (*haskatsut'yun*) (в буквальном переводе умение толковать), или были «аскацютюнов тха» (*haskatsut'yunov tgha*) (можно перевести как «толковый парень»). Само слово «аскацютюн» означает знание и уважение воровских понятий, и умение толковать по этим понятиям (*Tadevosyan, Margaryan 2023: 144*).

Сетевой характер «гохакана»

«Дворовый гохакан» не ограничивается территорией квартала или даже города. Это уникальная сетевая структура, пронизывающая всю территорию республики. Видные представители разных кварталов знают друг друга лично и регулируют отношения не только в масштабах городов, но и всей Армении. Сетевые отношения часто связывают не только «хороших парней» отдельных кварталов, но и тюремную среду с внешним миром. Проблема, как показывают материалы полевых исследований, состоит в том, что от сложившихся связей с криминальным миром человеку зачастую очень сложно избавиться даже после выхода из тюрьмы. Особенно зависимыми от них оказываются те, кто, не будучи представителями криминального мира, оказался в тюрьме из-за случайного совершенного уголовного наказуемого деяния и не имеет намерения посвятить себя криминальной жизни. Таким людям в тюрьме помогают сокамерники, но потом, выйдя на свободу, они оказываются обязанными выполнять различные просьбы со стороны заключенных об услугах, которые иногда могут носить преступный характер и быть опасными для данного человека. Очень немногим удается избавиться от подобных связей и «обязательств», поскольку это не только сложно сделать психологически, но и чревато снижением или потерей статуса в окружении.

Иными словами, «дворовый гохакан», являясь не только пространственной (улица, двор, квартал), но и сетевой структурой, не является самостоятельным и суверенным явлением, а по сути представляет собой среду, связанную многими нитями с сетевой структурой криминального мира. Обстоятельством, заслуживающим здесь внимания, является то, что «тах» или двор не просто взаимосвязан с «гохаканом» — он иерархически произведен от «гохакана» и вынужденно выполняет роль обслуживающей инфраструктуры. Одна из его основных функций — легитимизация «воровского» в повседневных общественных отношениях.

В связи с этим чрезвычайно интересна и характерна вышеупомянутая вопросо-ответная «теорема», популярная в общении подростков в дворовой среде в 1970–1980-е годы, согласно которой на вопрос «Ты вор?» единственно правильным ответом должно быть «Я не вор, но я уважаю вора». Проведенное исследование позволяет говорить о том, что одним из основных факторов, формирующих вертикальную зависимость «двора» или «таха» от «воровско-

го» мира, стал сам язык, понятия и коммуникативные практики, обязательные для получения статуса «тахи тха» (парня из своего квартала или двора). В противном случае любой молодой человек может оказаться в маргинальном положении и стать очень уязвимым.

Примечательно также, что в ряде случаев знание и использование понятий «гохакан» с целью казаться «хорошим парнем» во дворе было более распространено, чем в тюрьмах, где это можно было расценить как «кураж» (на языке «гохакан» это означало демонстративное изображение себя «блатным») (*Tadevosyan, Margaryan 2023: 55*), т. е. воспринималось отрицательно, если рассматриваемое лицо не принадлежало к воровскому миру.

Заключение

Суммируя, можно сказать, что в 1950-е годы в Армению из российской криминальной среды проникли характерные для нее практики, которые постепенно адаптировались и укоренились не только в криминальной, но и в повседневной жизни. Это явление получило название «гохакан», что буквально означает «воровской». Его язык оказал значительное влияние на повседневную жизнь.

Основная лексика и понятия языка «гохакан» представляют собой заимствования или переводы с русского жаргона. В отдельную группу входят те слова, которые характерны только для армянской среды. В целом можно выделить следующие группы слов:

- Простые заимствования из русского языка в армянский либо без изменений, либо с изменениями суффиксов. Например: «смотрящи», «зон», «законник», «сука», «отчет», «спрос», «обшак», «пахан», «цинк» и т. д.

- Глагольные приложения в сочетании русского и армянского языков. Например: «Зон найох» (*zon nayogh*) — смотрящий зоны, «сучит анел» (*suchit anel*) — сучить, «палит анел» (*palit anel*) — палить, «праход тал» (*prakhod tal*) — давать проход, «грузит анел» (*gruzit anel*) — грузить, «чмарит анел» (*chmarit anel*) — зачморить и т. д.

- Прямые переводы с русского на армянский язык, передающие смысл, свойственный русской криминальной речи.

- Слова, сформировавшиеся в армянской среде и уникальные для армянской лексики (*Tadevosyan, Margaryan 2023: 6*).

Язык «гохакан» употребляется не только в криминальном мире, но и в дворовой и соседской среде. Его основными носителями и воспроизводителями являются подростки и молодые мужчины. Переходя из криминальной среды в среду общинную, язык претерпевает определенные трансформации, подвергаясь некоторым «смягчениям». В тюремном и криминальном мире понятия этого языка очень ясны, и употребление каждого слова требует строгой бдительности и обдуманности. Любой промах, даже случайный, может иметь серьезные и необратимые последствия, вплоть до потери статуса и унижения. Смягчения, допустимые в соседской среде, позволяют этому языку распространиться за пределы криминального мира. За счет этого среда носителей «гохакана» значительно расширяется и включает значительную часть под-

росток, мужчин молодого и среднего возраста. Благоприятной площадкой для распространения поведения и языка «гохакан» становится дворовая община. Этот жаргон становится языком социализации мальчишек на улице, во дворе и в округе в широком смысле. Все это имеет и еще одно последствие. Пользующиеся языком «гохакан» также становятся активными или косвенными носителями равнозначных ему практик, в той или иной мере подчиняясь нормам и поведенческим практикам «воровского» мира, введенного в общественную жизнь посредством языка.

Язык также становится одним из важных условий формирования статусов в общинной среде. Через него формулируются образцовые роли («уважаемый парень», «хороший парень», «путевый парень» и т.д.), лидерство, приемлемые и неприемлемые правила поведения, кодекс чести, статусы.

Он становится также языком альтернативного правосудия в дворах и общинах, определяет «правильное» и «неправильное», справедливое и несправедливое. А «авторитеты», представляющие «воровской мир», становятся главными исполнителями правосудия. Примечательно, что эта альтернативная система правосудия формируется в общинной среде в условиях повсеместного недоверия к государственным и особенно правоохранительным органам. Это особенно касается рабочих слоев, которые были сконцентрированы в периферийных кварталах Еревана.

Во многих случаях, когда государство игнорировало несправедливость, причиненную людям, авторитет из «воровского» мира, живущий по соседству, разъяснял, что правильно и неправильно — так, чтобы многие могли понять, определял виновных и предлагал решения многих вопросов, которые в случае обращения в государственные органы не просто не принимались во внимание, но запутывали человека, подавшего жалобу, а зачастую даже обращались против него.

Этот язык, как и образуемая им система отношений, переживал определенное развитие и вступил в фазу укоренения в 1970-е и 1980-е годы. После обретения независимости, с 1990-х годов он претерпел существенные изменения: в него вошел ряд слов местного происхождения, а некоторые выражения, характерные для российского криминального жаргона, начали постепенно выходить из употребления. С 2010-х годов этот процесс стал более заметным. В среде нового молодого поколения многие слова (в частности, привнесенные из российской криминальной среды) уже не используются, уступив место общеразговорной лексике. В последние годы заметно и сужение сферы применения языка «гохакан».

Важно отметить, что этот процесс связан еще и с тем, что в последние годы происходят существенные изменения целей и представлений о построении будущего в среде подростков и молодежи. Заметно меняются формы отношений, жизненные ценности и приоритеты. Серьезные трансформации претерпевает и «гохакан». В 2000-е годы он пережил процесс элитизации и в определенном смысле отошел от рабочих слоев (*Tadevosyan, Margaryan 2023: 150*).

Подводя итог, можно сказать, что трансформации и изменения, которые переживает современное армянское общество, влияют и на роль и место «гохакана» в повседневной жизни.

Литература

- Абрамкин В.* Тюремные нравы и обычаи. М., 1991.
- Абрамкин В.* Тюремная субкультура // Отечественные записки. 2008. № 2. [Электронный ресурс]. <https://strana-oz.ru/2008/2/tyuremnaya-subkultura> (дата обращения 25.10.2023).
- Багреева Е. М.* Субкультура осужденных и их ресоциализация. М., 2001.
- Волков В.* Силовое предпринимательство XXI века. Экономико-социологический анализ. СПб., 2012.
- Городин Л.М.* Словарь русских арготизмов. Лексикон каторги и лагерей Императорской и Советской России. М.: Музей истории ГУЛАГа / Фонд Памяти, 2021.
- Гилинский Я.* Субкультура за решеткой // Советская этнография. 1990. № 2. С. 100–103.
- Ефимова Е. С.* Современная тюрьма. Быт, традиции и фольклор. М.: ОГИ, 2004.
- Захарова Е.* Тбилисская улица как среда мужской социализации. // Laboratorium. 2010. № 1. С. 182–204.
- Зугумов З. М.* Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический толковый словарь преступного мира. М.: Книжный мир, 2015.
- Кабо В.* Структура лагеря и архетипы сознания // Советская этнография. 1990. № 1. С. 108–113.
- Левинтон Г.А.* Насколько «первобытна» уголовная субкультура // Советская этнография. 1990. № 2. С. 96–100.
- Лысак И., Черкасова Ю.* Тюремная субкультура в России. Таганрог, 2006.
- Лихачев Д. С.* Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. 1935. № III–IV. С. 47–100.
- Лурье С., Давтян А.* Ереванская цивилизация или как формируется традиция современности. Ереван, 2017.
- Маркова Н. С., Бычкова А. М.* Криминальная субкультура в молодежной среде как криминологически значимая проблема а контексте кризиса культуры современности // Уголовное право и криминология. 2020. № 3. С. 43–53.
- Потапов. С.М.* Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М., 1927.
- Самойлов Л.* Путешествие в перевернутый мир // Нева. 1989. № 4. С. 150–164.
- Самойлов Л.* Этнография лагеря. // Советская этнография. 1990. № 1. С. 96–108.
- Самойлов (Клейн) Л.* Перевернутый мир. СПб.: Фарн, 1993.

- Сидоров А.* Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга первая (1917–1940 гг.). Ростов н/Д: МарТ, 1999а. Книга вторая (1941–1991 гг.). Ростов н/Д: МарТ, 1999б.
- Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М., 1992.
- Толковый словарь уголовных жаргонов / ред. Ю. Дубягина, А. Бронникова. М.: Интер ОМНИС, 1991.
- Чалидзе В.* Уголовная Россия. Нью-Йорк, 1977.
- Якубович П. (Меньшин Л.)* В мире отверженных: записки бывшего каторжника. М., 1933.
- Abrahamyan L. «Gvardianerits minchev t'aghayin heghinakut'yunner» [От гвардий до квартальных авторитетов] // Her'ap'okhelov k'aghak'ə. Mardabanakan ditankyun [Zooming the City: An Anthropological Perspective]. 2022. [Электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=OLQNIcUoeDQ> (дата обращения 25.10.2023).
- Avagyan E.* «Kondi verjaluyə (Husher hin Kondits)» [«Закат над Кондом (Воспоминания о старом Конде)»] // Yerevan: Gitakan hodvacneri zhoghovacu [Ереван: Сборник научных статей]. Ереван, 2006. С. 38–43.
- Galeotti M.* The Vory: Russian's Super Mafia. New Hevan; L.: Yele University Press, 2018.
- Hovakimyan G.* Hartsazruys Gevorg Ter-Gabrielyani het. Mas ar'ajin [Интервью с Геворгом Тер-Габриеляном. Часть первая]. 2019. [Электронный ресурс]. <https://hetq.am/hy/article/108479> (дата обращения 25.10.2023).
- Hovakimyan G.* Hartsazruys Gevorg Ter-Gabrielyani het. Mas errord [Интервью с Геворгом Тер-Габриеляном. Часть третья]. 2020. [Электронный ресурс]. <https://hetq.am/hy/article/111823> (дата обращения 25.10.2023).
- Hovakimyan G., Ter-Gabrielyan G.* K'reakan bark'eri, lezvi ev vark'agci azdetsut'yunə sotsialakan haraberut'yunnerum br'nut'yan drsevorman vra [Влияние криминальной морали, языка и поведения на проявления насилия в общественных отношениях] // Br'nut'yan mshakuyt'ə Hayastanum [Культура насилия в Армении]. Ереван, 2020. С. 27–91.
- Margaryan N.* R'azbirati stverayin arak'elut'yunə [Теневая миссия уличных разборок]. 2023а. [Электронный ресурс]. <https://infocom.am/hy/article/93919?fbclid=IwAR3aZ8vY0Ojn037DEGzcRdpmMkh0dvobmYaGFd9Qto-8ecKkV9R0icVpkVI> (дата обращения 25.10.2023).
- Margaryan N.* Inchu ev unch hangamank'neri berumov e goghakan ent'amshakuyt'ə haytnvum hanrakrt'ut'yan volortum? [Почему и при каких обстоятельствах воровская субкультура появляется в сфере общественного воспитания?]. 2003б. [Электронный ресурс]. <https://infocom.am/hy/article/98084?fbclid=IwAR0sTjVCiTax4JUyTBt17SZbCN8W36LJKoVs8v6dekWIEwzbyROIq74Ek4c> (дата обращения 25.10.2023).

Tadevosyan A. Erevani k'aghak'ayin mshakuyt'ə. Mas ar'ajin: Hasarakakan mshakuyt'i p'okhakerperumerə khohrdayin ev hetkhorhrdayin Erevanum [Городская культура Еревана. Часть первая: Изменения общественной культуры в советском и постсоветском Ереване] // *Vem. Namahaykakan handes* [Вем. Общеармянский журнал]. 2010. № 4. С. 112–131.

Tadevosyan A. 'Gorc talu' tabun: azgayin avanduyt', t'e hanrayin charik'? [Табу «обращения с иском»: национальная традиция или общественное зло?]. 2023. [Электронный ресурс]. <https://infocom.am/hy/article/93919?fbclid=IwAR3aZ8vY0Ojn037DEGzcRdpvMkh0dvobmYaGFd9Qto-8ecKkB9R0icVpkVI> (дата обращения 5.10.2023).

Tadevosyan A., Margaryan N. K'reakan (goghakan) khosvack'i batsatrakan bar'aran [Словарь армянского криминального слэнга]. Ереван: Институт археологии и этнографии НАН РА, 2023.

White W. F. Street Corner Societies. The Social Structure of the Italian Slum. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1993.

Research Article

Tadevosyan A. Criminal Subculture in Late-Soviet and Post-Soviet Armenia [Vorovskaia subkul'tura v pozdnesovetskoi i postsovetskoi Armenii]. *Anthropologies*, 2023, no 2, pp. 112-131, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/112-131>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Tadevosyan A. | a.z.tadevosyan@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-2184-3720> | Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Senior Researcher

Abstract

In the 1950s, a phenomenon that later became known as «goghakan» (goghakan), which literally means «thieves», penetrated into Armenia from Russian criminal circles. The peculiarity of this phenomenon was that it spread not only in criminal, but also in public circles. Soon it took root to such an extent that it began to play a decisive role in the communication of people in the yard and community life. The main issues discussed in this article relate to the study of this phenomenon. The reasons for the penetration of this phenomenon are discussed first, then its role in everyday relations in broad circles of society and what role it plays today. There is also a separate question of how this phenomenon affects civil behavior, thinking and everyday practice of people in general.

Keywords: Armenia, Yerevan, criminal subculture, thieves' world, urban community, everyday life, post-Soviet, behavioral norms, youth, male community

References

Abrahamyan, L. 2022. Gvardianerits minchev t'aghayin heghinakut'yunner [From the guards to the quarterly authorities]. *Her 'ap'okhelov k'aghak'ə. Mardabanakan ditankyun [Zooming the City: An Anthropological Perspective]*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OLQNICuoEQDQ> (accessed 25.10.2023).

- Abramkin, V. 1991. *Tiuremnye nravy i obychai* [Prison customs]. M.
- Abramkin, V. 2008. *Tiuremnaia subkultura* [Prison subculture]. *Otechestvennye zapiski*, 2. URL: <https://strana-oz.ru/2008/2/tyuremnaya-subkultura> (accessed 25.10.2023).
- Avagyan, E. 2006. *Kondi verjaluyso* (Husher hin Kondits) [Sunset over Kond (Memories of the old Kond)]. *Yerevan: Gitakan hodvacneri zhoghovacu*. Yerevan: 38–43.
- Bagreeva, E.M. 2001. *Subkultura osuzhdennyh i ih resocoalizaciia* [Subculture of convicts and their resocialization]. M.
- Chalidze, V. 1977. *Ugolovnaia Rossiia* [Criminal Russia]. NY.
- Dubiagina, Iu., Bronnikova, A. (eds.) 1991. *Tolkovy slovar' ugovolnyh zhargonov* [Explanatory dictionary of criminal jargon]. M.: Inter OMNIS.
- Efimova, E.S. 2004. *Sovremennaia tiurma. Byt, tradicii i folklor* [A modern prison. Everyday life, traditions and folklore]. M.: OGI.
- Galeotti, M. 2018. *The Vory: Russian's Super Mafia*. New Hevan; L.: Yele University Press.
- Gilinskii, Ia. 1990. *Subkultura za reshetkoi* [Subculture behind bars]. *Sovetskaia etnografiia*, 2: 100–103.
- Gorodin, L.M. 2021. *Slovar' russkih argotizmov. Leksikon katorgi i lagerei Imperatorskoi i Sovetskoi Rossii* [Dictionary of Russian Argotisms. Lexicon of penal servitude and camps of Imperial and Soviet Russia]. M.: Muzei istorii GULAGa, Fond Pamiati.
- Hovakimyan, G. 2019. *Hartsazruyts Gevorg Ter-Gabrielyani het. Mas ar'ajin* [Interview with Gevorg Ter-Gabrielyan. Part One]. URL: <https://hetq.am/hy/article/108479> (25.10.2023).
- Hovakimyan, G. 2020. *Hartsazruyts Gevorg Ter-Gabrielyani het. Mas errorr* [Interview with Gevorg Ter-Gabrielyan. Part Three]. URL: <https://hetq.am/hy/article/111823> (accessed 25.10.2023).
- Hovakimyan, G., Ter-Gabrielyan, G. 2020. *K'reakan bark'eri, lezvi ev vark'agci azdetsut'yuna sotsialakan haraberut'yunnerum br'nut'yan drsevorman vra* [The influence of criminal morality, language and behavior on the manifestations of violence in public relations]. *Br'nut'yan mshakuyt'ə Hayastanum*. Yerevan: 27–91.
- Iakubovich, P. (Men'shin, L.). 1933. *V mire otverzhennyh: zapiski byvshego katorzhnika* [In the world of outcasts: notes of a former convict]. M.
- Kabo, V. 1990. *Struktura lageria i arhetipy soznaniia* [The structure of the camp and the archetypes of consciousness]. *Sovetskaia etnografiia*, 1: 108–113.
- Levinton, G.A. 1990. *Naskolko «pervobytna» ugovolnaia subkultura* [How «Primitive» is the criminal subculture]. *Sovetskaia etnografiia*, 2: 96–100.

- Lihachev, D.S. 1935. Cherty pervobytnogo primitivizma vorovskoi rechi [Features of the primitive primitivism of thieves' speech]. *Iazyk i myshlenie*, 3–4: 47–100:
- Lurie, S., Davtian, A. 2017. *Erevanskaia civilizaciia ili kak formiruetsia tradiciia sovremennosti* [Yerevan civilization or how the tradition of modernity is formed]. Erevan.
- Lysak, I., Cherkasova, Iu. 2006. *Tiuremnaia subkultura v Rossii* [Prison subculture in Russia]. Taganrog.
- Margaryan, N. 2023a. *R'azbirati stverayin arak'elut'yunə* [Shadow mission of street showdowns]. URL: <https://infocom.am/hy/article/93919?fbclid=IwAR3aZ8vY0Ojn037DEGzcRdpvMkh0dvobmYaGFd9Qto-8ecKkKB9R0icVpkiVI> (accessed 25.10.2023).
- Margaryan, N. 2003b. *Inchu ev unch hangamank'neri berumov e goghakan ent'amshakuyt'ə haytnvum hanrakrt'ut'yan volortum?* [Why and under what circumstances does the thieves' subculture appear in the sphere of public education?]. URL: <https://infocom.am/hy/article/98084?fbclid=IwAR0sTjVCiTax4JUyTbt17SZbCN8W36LJKoVs8v6dekWIEwzbyROIq74Ek4c> (accessed 25.10.2023).
- Markova, N.S., Bychkova, A.M. 2020. Kriminalnaia subkultura v molodezhnoi srede kak kriminologicheski znachimaia problema a kontekste krizisa kulturey sovremennosti [Criminal subculture in the youth environment as a criminologically significant problem in the context of the crisis of modern culture]. *Ugolovnoe pravo i kriminologiya*, 3: 43–53.
- Potapov, S.M. 1927. *Slovar' zhargona prestupnikov (blatnaia muzyka)* [Dictionary of Criminal Jargon (thug music)]. M.
- Samoilov, L. 1989. Puteshestvie v perevernutyi mir [A journey into an inverted world]. *Neva*, 4: 150–164.
- Samoilov, L. 1990. Etnografiia lageria [Ethnography of the camp]. *Sovetskaia etnografiia*, 1: 96–108.
- Samoilov (Klein), L. 1993. *Perevernutyi mir* [Inverted world]. Spb.: Farn.
- Sidorov, A. 1999a. *Velikie bitvy ugolovnogo mira. Istoriia professionalnoi prestupnosti Sovetskoi Rossii (1917–1940 gg.)* [The great battles of the criminal world. The History of professional crime in Soviet Russia. 1917–1940]. Rostov n/D.: MarT, 1.
- Sidorov, A. 1999b. *Velikie bitvy ugolovnogo mira. Istoriya professional'noj prestupnosti Sovetskoi Rossii (1941–1991 gg.)* [The great battles of the criminal world. The History of professional crime in Soviet Russia. 1941–1991]. Rostov n/D.: MarT, 2.
- Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoi i graficheskii portret sovetskoi tiur'my)* [Dictionary of prison-camp-thug jargon (speech and graphic portrait of a Soviet prison)]. 1992. M.
- Tadevosyan, A. 2010. Erevani k'aghak'ayin mshakuyt'ə. Mas ar'ajin: Hasarakakan mshakuyt'i p'okhakerpumerə khorhrdayin ev hetkhorhrdayin Erevanum [Urban culture of Yerevan. Part One: Changes in Public Culture in Soviet and Post-Soviet Yerevan]. *Vem. Hamahaykakan hands*, 4: 112–131.

- Tadevosyan, A. 2023. 'Gorc talu' tabun: azgayin avanduyt', t'e hanrayin charik'? [Taboo of «adjudication»: national tradition or social evil?]. URL: <https://infocom.am/hy/article/93919?fbclid=IwAR3aZ8vY0Ojn037DEGzcRdpmMkh0dvobmYaGFd9Qto-8ecKkB9R0icVpkVI> (accessed 5.10.2023).
- Tadevosyan, A., Margaryan, N. 2023. *K'reakan (goghakan) khosvack'i batsatrakan bar'aran* [Dictionary of Armenian Criminal Slang]. Yerevan: Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia.
- Volkov, V. 2012. *Silovoe predprinimatelstvo 21 veka. Ekonomiko-sociologicheskii analiz* [Power entrepreneurship of the 21 century. Economic and sociological analysis]. SPb.
- White, W.F. 1993. *Street Corner Societies. The Social Structure of the Italian Slum*. Chicago; L.: University of Chicago Press.
- Zaharova, E. 2010. Tbilisskaia ulica kak sreda muzhskoi socializacii [Tbilisi Street as a male socialization environment]. *Laboratorium*, 1: 182–204.
- Zugumov, Z.M. 2015. *Russkoyazychnyi zhargon. Istoriko-etimologicheskii tolkovyi slovar' prestupnogo mira* [Russian-language jargon. Historical and etymological explanatory dictionary of the criminal world]. M.: Knizhnyi mir.

